

УДК 16:19

**АММОНИЙ ГЕРМИЙ И
ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ В ЛОГИКЕ АРИСТОТЕЛЯ**

Гарин С.В., Спасов С.В.

В работе рассматриваются логико-грамматические аспекты «Категорий» Аристотеля в рамках анонимного комментария, приписываемого Аммонию Гермию. Выявляются грамматические предпосылки логического учения Аристотеля об омонимии. Описывается явление аттических фигур (σχῆμα Ἀττικόν) и аттического синтаксиса (Ἀττικὴ Σύνταξις) на примере отношения между подлежащим и сказуемым (субъектом и предикатом) в толковании Аммония.

Ключевые слова: история логики, Аммоний Гермий, Аристотель, александрийский платонизм, категории, философия.

**AMMONIUS HERMIAE AND
THE GRAMMATICAL ASPECTS IN ARISTOTLE'S LOGIC**

Garin S.V., Spasov S.V.

The article deals with logical and grammatical aspects of Aristotle's "Categories" within the framework of the anonymous "Commentary" attributed to Ammonius Hermiae. Grammatical backgrounds for Aristotelian doctrine of homonyms are revealed. The paper describes the phenomenon of Attic figures (σχῆμα Ἀττικόν) and Attic syntax (Ἀττικὴ Σύνταξις) in terms of relationship between subject and predicate considered by Ammonius in his "Commentary".

Keywords: history of logic, Ammonium Hermiae, Aristotle, Alexandrian Platonism, categories, philosophy.

Аммоний Гермий, будучи учеником Прокла и учителем сразу целого ряда таких мыслителей, как Филопон, Симпликий, Дамаский, Олимпиодор, безусловно, является важным связующим компонентом между афинским платонизмом и александрийской философской школой. Аммоний играет

видную роль, как в вопросе выработки логической концепции категорий, так и в последующей интерпретации аристотелевского наследия в платоническом и даже христианском духе. Как известно, существовали упреки к Аммонии о некотором компромиссе с христианскими властями (см. например, ремарки Дамаския в *Ἰσίδωρου Βίος*, 250, 2; 251,12-14), [4, р. 2]. Если Порфирий, через деонтологизацию и семантизацию категорий, пытался примирить аристотелевское учение о первых сущностях в «Категориях» с платиновским учением о τὰ νοήματα [см. 2; 7], то Аммоний, через релятивизацию подхода к статусу первых сущностей (*по природе vs для нас*), пытался тем самым интегрировать аристотелизм как внутренний логический двигатель платонической философской теологии (см. например, доводы Аммония о пользе аристотелевской логики, с помощью которой достигается возвышение разума до наивысшего *Единого* [3, р. 6].

Рассматривая рецепцию логических идей Аристотеля, следует отметить, что предмет античной логики в контексте современных логических подходов исследовался в работе симпозиума в Баффало [1]. Логические идеи Аммония относительно модальности и проблемы истинностных оценок суждений о будущем времени анализируются в работах Ж. Шнейдера и Дж. Сила [8], а также в [6]. Проблемы философии языка, логики и грамматики Аммония в контексте платоновского «Кратила» и всего античного философского языкознания обсуждаются в работе Ван Ден Берга [10]. Ряд логических аспектов из наследия Аммония рассматривается в работе Л. Вестеринка, посвященной комментарию Элия на «Первую аналитику» Аристотеля [11].

Предмет данной статьи основан на комментарии некоего анонимного автора (вероятно, одного из студентов Аммония) к «Категориям» Аристотеля [см. 3]. В данной статье мы рассмотрим ряд логико-грамматических аспектов интерпретации Аммонием некоторых пассажей «Категорий» Аристотеля. Аммоний объясняет особенности грамматики в «Категориях» Стагирита на примере определения природы *омонимии*. Так разбирается следующее положение Аристотеля:

Ὅμωνυμα λέγεται ὧν ὄνομα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοῦνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος [3, p. 17].

Омонимами называются вещи, имеющие общее имя, но различный логос сущности, соответствующий имени.

Аммоний, поясняя данный текст, полагает, что в этом пассаже мысль (ἔννοια) совершенно ясна (δήλη). Вещи могут быть названы омонимами, если они обладают *общим именем*, но *разной дефиницией* (κατὰ δὲ τὸν ὀρισμὸν διαφέρει). Однако, по мнению александрийского философа, рассматривая данный пассаж, неизбежно возникает ряд вопросов:

1) Почему Аристотель упоминает *омонимы* а не *омоним*? (διὰ τί εἶπεν ὁμώνυμα καὶ μὴ ὁμώνυμον), где ὁμώνυμα представлено существительным среднего рода, множественного числа.

2) Почему Аристотель использует глагол *называет* (λέγεται), а не *называю* (λέγω) или *называем* (λέγονται)? Вопрос заключается в выборе глагола третьего лица единственного числа λέγεται, вместо λέγω (1 лицо ед. числа) и λέγονται (3 лицо мн. числа).

3) Почему он (Аристотель) говорит об *общем имени* (существительном) и не добавляет также и *глагол*? (καὶ διὰ τί εἶπεν ὄνομα κοινὸν καὶ μὴ εἶπεν ἔτι καὶ ῥῆμα). Следует отметить, что греческое ὄνομα κοινὸν может означать как *общее имя*, так и, понятое грамматически, *общее имя существительное*.

4) Почему Аристотель говорит о *логосе сущности* (δὲ λόγος τῆς οὐσίας), а не об *определении* (ὀρισμὸς), или *описании* (ὑπογραφή)?

5) Почему Аристотель также не упоминает *привходящее* (συμβεβηκότων)?

Очевидно, что первые три вопроса имеют логико-грамматический характер, представляя из себя рецепцию элементов языкознания в философском сознании александрийской школы. Рассмотрим указанные аспекты философии языка в толковании александрийского схоларха.

Ответы Аммония

Аристотель, по мнению Аммония, совершенно ясно (ἀκριβῶς) использовал множественное число существительного *омонимы* (ὁμώνυμα),

вместо термина *омоним* (ὁμώνυμον), поскольку в данном случае подразумевается класс идентичных предметов, а не один объект, так как «никто никогда не говорит в таком случае об одном предмете» [3, p. 17]. В этой связи использование существительного множественного числа в качестве субъекта суждения (подлежащего в предложении) оказывается вполне обоснованным. Забегая вперед, следует отметить, что проблема заключается в том, что сказуемое λέγεται в рассматриваемом пассаже выражено средне-пассивным глаголом 3-го лица *единственного числа*, что предполагает наличие согласования с подлежащим в единственном числе, чего нет во фразе Аристотеля, который говорит об ὁμώνυμα, т.е. о классе объектов.

Аммоний рассматривает необходимые грамматические предпосылки природы омонимии в логике Аристотеля. Как полагает александрийский схолярх, Аристотель предваряет описание омонимии с разъяснения природы логико-грамматических особенностей *ударения, придыхания и флексивности*:

Δεῖ δὲ εἰδέναι ὅτι τὰ ὁμώνυμα δέεται πάντως τούτων τῶν τριῶν, τόνου πτώσεως πνεύματος [3, p. 17].

Необходимо знать, что омонимы часто требуют этих трех вещей: ударение, флексивность и придыхание.

Таким образом, по мнению Аммония, если мы найдем имена (слова), идентичные морфологически, но различающиеся одним из указанных аспектов, то они не будут омонимами. Так, слова ἀργός (бездеятельный, праздный) и ἄργος (город) только кажутся омонимами, на самом деле таковыми не являясь, поскольку ударение (τόνος) в обоих случаях не является идентичным. Из-за отличия *парокситона* (παροξύτονος) и *окситона* мы имеем два разных слова, т.е. *город на Пелопоннесе* (Аргос) и слово, обозначающее *инертного человека* (βραδύτερον ἄνθρωπον). Таким образом, по мнению Аммония, явление омонимии невозможно между словами, имеющими разные ударения.

Аналогично дело обстоит и с *флексивностью* (τῆς πτώσεως). Так, можно сказать, например, ὁ ἐλάτης, имея ввиду *погонщика колесницы*, в то время, как τῆς ἐλάτης, слово, морфологически идентичное данному, не считая разницы

артиклей, означает *дерево пихты* (τὸ ξύλον τὴν ἐλάτην). Мы видим, что, хотя слова и совпадают морфологически, имея одинаковые ударения, они оказываются разными в силу флексивности. Так, ὁ ἐλάτης представлено именительным падежом мужского рода единственного числа, в то время, как τῆς ἐλάτης является генитивом от ἐλάτη, существительного женского рода единственного числа. Таким образом, по Аммонию, при всей морфологической близости данных слов, они не относятся к омонимам, поскольку стоят на разных *флексивных позициях*.

Также, по мнению александрийского схоларха, обстоит дело и с *придыханием* (πνεύματος). Например, мы можем сказать οἶον и οἶον̄, т.е. тоже самое, только с густым придыханием, получая два разных слова.

Таким образом, если слова оказываются грамматически идентичными, включая флексивность, ударение и придыхание, то они могут быть омонимами. Так, Аммоний рассматривает совпадение трех грамматических аспектов в омонимии на примере имени *Аякс*, принадлежащем *двум разным* героям:

Ἐπὶ δέ γε τῆς Αἴας φωνῆς καὶ τόνοϛ ἐστὶν ὁ αὐτὸς καὶ πτῶσιϛ ἢ αὐτῆ, ἀλλὰ μὴν καὶ τὸ πνεῦμα κοινὸν ἐπ' ἀμφοτέρων· συμβήσεται οὖν εἶναι αὐτὰ ὁμώνυμα [3, p. 17].

В слове Аякс (обозначающем двух героев – прим. С.Г.), однако, ударение идентично, флексивность и даже придыхание одинаково у обоих. Следовательно, оба являются омонимами.

Таким образом, грамматические предпосылки омонимии в рамках аристотелевского подхода, согласно Аммонию, определяются указанными тремя аспектами.

Отвечая на следующий вопрос относительно рассогласованности в пассаже Аристотеля слова ὁμώνυμα как подлежащего во *множественном числе* и λέγεται как сказуемого, выраженного средне-пассивным глаголом 3-го лица *единственного числа*, что предполагает, наличие подлежащего в единственном числе, Аммоний полагает, что указанная грамматическая особенность вполне нормальна и присуща аттическим авторам:

Εἰδὼς δὲ ὁ φιλόσοφος ὅτι τὰ ὁμώνυμα εἰ καὶ πλείονά εἰσιν, ἀλλ' οὖν ὑπὸ μιᾶς φωνῆς δηλοῦνται, διὰ τοῦτο καὶ αὐτὸς ἐχρήσατο τῷ 'λέγεται', οὐκ εἰρηκῶς 'λέγονται' ἀεὶ γὰρ ἔθος ἐστὶ τοῖς Ἀττικοῖς τῇ τοιαύτῃ φωνῇ κεχρηῆσθαι, ὥσπερ οὖν καὶ ὁ Πλάτων φησὶ "λέγεται ταῦτα, ὧ Γοργία, περὶ Θεμιστοκλέους" [3, p. 18].

Философ видит, что хотя омонимы множественны, они, по меньшей мере, обозначены одним выражением. По этой причине он сам использует "λέγεται", а не "λέγονται", поскольку это частое явление для аттических авторов, использовать такой способ выражения. Так, Платон сказал «эти вещи, Горгий, говорятся (буквально говорится "λέγεται" – прим. С.Г.) о Фемистокле».

Грамматически Аммоний столкнулся здесь с тем, что называется *аттическими фигурами* «σχήμα Ἀττικόν», или *аттическим синтаксисом* «Ἀττικὴ Σύνταξις» [см. 5]. В данном случае вопрос связан с грамматической несогласованностью по числу между подлежащим и сказуемым в предложении, именно поэтому, судя по всему, Аммоний и разбирает это затруднение с учениками. Очевидно, что такие аспекты, наряду с метафизическими вопросами, рассматривались на лекциях в александрийской школе.

Рассмотренная выше аттическая фигура синтаксиса отражает логику *собирательных понятий*, когда подлежащее среднего рода *множественного* числа мыслится как целое, как класс неидентифицируемых индивидов (в силу отсутствия одушевленности) и, как следствие, сопровождается глаголом третьего лица единственного числа. Существительное среднего рода множественного числа сопровождается сказуемым единственного числа тогда, когда оно мыслится как целое, без дифференциации различных действующих агентов. Вообще, в данном случае мы имеем грамматическое отсутствие полноценного именительного падежа для существительных среднего рода множественного числа, которое, по сути, является воспроизведением одного из косвенных падежей, т.е. *винительного*.

Следует отметить, что указанная рассогласованность, отмеченная Аммонием, является типичной для аттического древнегреческого языка,

который использовался афинскими философами и, вероятно, казался весьма необычным александрийским читателям. Это явление Ф. Фаррар в своей работе "*A Brief Greek Syntax*" называет «сопротивлением греческой *метафизической грамматики* (курсив – С.Г.) тирании формальных правил» [5, р. 59-60]. Действительно, то, что стало предметом особого разъяснения Аммония, связано с тем, что вещи, обозначающиеся подлежащими среднего рода, не обладают тем, что можно назвать *субъективностью* и, как следствие, грамматически это выражается в замене полноценного именительного падежа только *формальным*, происходящим от аккузатива, т.е. объектного падежа прямого *дополнения*. Например, у Ксенофонта в καλὰ ἦν τὰ σφάγια мы видим сказуемое ἦν в имперфекте глагола *быть*, сопровождающего подлежащее *множественного* числа τὰ σφάγια [12, р. 318].

Возникает вопрос, какие именно причины побудили Аммония поставить данный вопрос перед своими учениками, комментируя «Категории» Аристотеля? Как известно, аттические формы синтаксиса весьма типичны и встречаются уже у Гомера (как минимум рассогласованное использование множественного подлежащего со сказуемым в единственном числе у Гомера встречается 3 раза), в то время, как Гомер использует и сказуемое множ. числа с подлежащим множ. числа. Примечательно, что иногда, например (в 135), *метр* определяет какое именно сказуемое (множественного или единственного числа) будет сопровождать подлежащее [см. 9]. Указанное явление наблюдается и в т.н. *пиндаровских конструкциях*, когда существительные мужского или женского рода множественного числа идут с глаголами ἔστι, ἦν, γίγνεται. Так, например, ἔστι καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις πόλεσιν ἄρχοντές τε καὶ δῆμος.

Вопрос становится еще более очевидным, если мы примем к сведению весьма частое использование аттических фигур, подобно указанной, в греческом *койне*, т.е. в работах эллинистических авторов, к которым принадлежит и александрийский «Комментарий», приписываемый Аммонию. В силу пропедевтического характера комментария, его направленности на студенческую аудиторию (а именно студенческий конспект до нас и дошел),

возможно, что аналитика указанных грамматических трудностей вполне естественна для тех, кто еще не вполне освоил не только азы неоплатонической философии, но и грамматические правила языка.

Для ответа на вопрос о том, почему Аристотель в определении омонимии использует понятие *общего имени* (существительного) и не говорит о *глаголах*, Аммоний рассматривает семантику термина *имя*. Как было указано ранее, греческое ὄνομα κοινὸν может означать как *общее имя*, так и, взятое грамматически, *общее имя существительное*, отражая часть речи. Именно с этим и связано указанное затруднение, вынесенное Аммонием в специальное рассмотрение. На примере глагольной омонимии александрийский схолярх показывает полисемию понятия ὄνομα:

Ἔρα οὖν ἐν τοῖς ῥήμασιν οὐχ εὐρίσκομεν ὁμωνυμίαν; καὶ μὴν λέγομεν 'ἐρῶ', σημαίνει δὲ τοῦτο καὶ τὸ λέξω καὶ τὸ ἐρωτικῶς διάκειμαι πῶς οὖν φησι ταῦτα ὁμώνυμα εἶναι τὰ μόνον ὄνομα κοινὸν ἔχοντα; ἐροῦμεν πρὸς τοῦτο ὅτι ὄνομα ἐνταῦθα λαμβάνει οὐ τὸ ἀντιδιαστελλόμενον πρὸς τὸ ῥῆμα, ἀλλὰ τὸ κοινότερον, καθὸ πᾶσα φωνὴ σημαντικὴ ὄνομα λέγεται ... ὥστε τὸ ἐρῶ ὁμώνυμόν ἐστι καὶ ἔχει ὄνομα κοινόν, ὅρον δὲ διάφορον, καὶ ἔστιν ἐν τοῖς ῥήμασιν ὁμωνυμία [3, p. 18].

Разве мы не можем найти омонимию среди глаголов? Мы говорим 'ἐρῶ', это означает две вещи – я скажу и я эротически настроен; как же это он говорит, что те вещи являются омонимами, у которых только имя общее? Мы ответим на это, что он (Аристотель, прим. – С.Г.) понимает имя, не противопоставляя его глаголу, но в более общем смысле, когда всякое семантическое выражение называется именем... таким образом, 'ἐρῶ' это омоним и обладает общим именем, но разной дефиницией, значит, есть омонимия и среди глаголов.

Таким образом, в ответах на поставленные вопросы Аммоний разворачивает логико-грамматическую аргументацию, принадлежащую к области античного языкознания и философии языка. Хотя проблематика, анализируемая в «Комментарии», и относится к области пропедевтики, тем не менее, она дает представление, как об особенностях логико-грамматического

анализа поздней античности, так и о специфике бытия древнегреческого языка в VI в. до н.э. в Александрии, языка философского лексикона неоплатонических школ и интеллектуальной культуры последних веков эллинистической цивилизации.

Список литературы:

1. Ancient Logic and Modern Interpretations. Proceedings of the Buffalo Symposium on Modernist Interpretations of Ancient Logic. Dordrecht, 1974.
2. Busse A., ed. *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. 4.1. Berlin: Reimer, 1887.
3. Busse A., ed. *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Vol. 4.4. In *Aristotelis categorias commentaries (Ammonius)*. Berlin: Reimer, 1895.
4. Cohen S.M., Matthews G.B., *Ammonius: On Aristotle Categories*, London and Ithaca, 1991.
5. Farrar F. *A Brief Greek syntax*, London, 1867.
6. Lowe M. F. *Aristotle On The Sea-Battle: A Clarification // Analysis* Vol. 40. No. 1. 1980. P. 55-59.
7. Porphyry. *On Aristotle Categories*. Translated by Steven K. Strange. London: Bloomsbury Academic, 1992.
8. Schneider J. P., Schulthess D., Seel G. *Ammonius and the Sea Battle. Texts, Commentary, and Essays*. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.
9. Smyth H. W. *A Greek Grammar for Colleges*. N.Y., 1920.
10. Van Den Berg R.M. *Smoothing over The Differences: Proclus and Ammonius on Plato's "Cratylus" and Aristotle's De Interpretatione // Bulletin of The Institute of Classical Studies. Philosophy, Science and Exegesis in Greek, Arabic And Latin Commentaries*. 2004. P. 191-201.
11. Westerink L. G. *Elias On The Prior Analytics // Mnemosyne*. Fourth Series. Vol. 14.1961. P. 126-139.
12. Xenophon. *Anabasis (Loeb Classical Library)*. Harvard, 1998.

Сведения об авторах:

Гарин Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Спасов Станислав Валентинович – старший преподаватель кафедры философии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

Data about the authors:

Garin Sergey Vyacheslavovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Spasov Stanislav Valentonivich – Assistant Professor of Philosophy Department, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: svgarin@gmail.com.

E-mail: spasov19531@gmail.com.